

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В РОССИИ: ПОРАЖЕНИЕ «НАЦИИ» ИЛИ ПОБЕДА «НАРОДА»?

В статье рассматриваются отношения между ведущими социальными силами Модерна — революцией и национализмом. Компаративный анализ семантических фреймов общественно-политической лексики Великой Французской и Великой Русской революций, образуемых словами-лозунгами «нация» и «народ», фиксирует имплицитное историко-структурное родство двух этих революций таким разным формам национализма, как гражданский и этнический. Трагические итоги революции 1917 года в России явились прямым или косвенным следствием того, что она велась не нацией, а народом.

Ключевые слова: Модерн, революция, народ, нация, национализм, история понятий.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-03-00421.

Революция и национализм, безусловно, являются примерами двух наиболее влиятельных социальных сил мира Модерна (The Modernity, Der Modernität, la Modernité). Начиная с Великой Французской революции конца XVIII века и вплоть до конца XX века революции и национализмы почти всегда были вовлечены в одни и те же цепочки важнейших исторических событий. Большинство исследователей связывают такое совместное проявление в истории феноменов национализма и революции с их общими идейными корнями — дискурсом Просвещения¹, под прямым влиянием которого и сложилась практически вся значимая общественно-политическая лексика мира Модерна.

Однако может ли служить общее идейное происхождение революций и национализмов надежным свидетельством их предполагаемого историко-структурного родства? Робкие и довольно редкие попытки историков и представителей социальных наук отыскать ответ на этот вопрос, к сожалению, пока остаются неубедительными², либо сталкиваются на практике с непреодолимыми препятствиями. Обе эти силы — и революция, и национализм — на практике демонстрируют поразительное изобилие исторических форм, что в значительной мере усложняет (если вообще делает возможным) построение каких-либо четких и непротиворечивых классификаций этих двух влиятельнейших социальных сил мира Модерна³, а значит, и фактически полностью блокирует возможность их компаративного анализа.

Любая попытка подыскать если не окончательный, то хотя бы удовлетворительный ответ на вопрос об историко-структурном родстве феноменов революции и национализма требует от исследователей поиска и использования эвристически подходящего методологического инструментария, позволяющего релевантным образом сравнивать и сопоставлять эти две социальные силы мира Модерна. По счастью богатый инструментарий современной историографии, как кажется, вполне способен предложить исследователям искомый инструмент. Таким незаме-

мым в исследовательской практике исследовательским инструментом может стать методология истории понятий — Begriffsgeschichte⁴.

Исследовательские методы Begriffsgeschichte основываются на принципе темпоральности внутренней структуры дискурсивных единиц, употребляемых некоторой исторически сложившейся социальной группой. Такие дискурсивные единицы в исследовательской схеме Begriffsgeschichte играют роль своеобразных ячеек, в которых с течением времени слой за слоем оседают разнообразные социально значимые смыслы, фиксирующие не столько индивидуальный опыт носителей языка, сколько обладающие перформативной силой социальные интересы и ожидания. Именно эта заложенная в лексике перформативность социальных интересов и ожиданий на практике оказывается влиятельнейшим фактором событийной истории⁵. Подобная исследовательская стратегия позволяет иначе взглянуть на каузальный потенциал используемого исторически сложившейся социальной группой общественно-политического лексикона. Язык и дискурс здесь становятся реальными факторами истории, а семантика понятий наделяется собственной каузальностью в отношении социального, поскольку понятия, сочетая в себе одновременно область общего социального опыта (Erfahrungsbereich) и горизонт ожиданий (Erwartungshorizont), определяют долгосрочные тренды исторического развития соответствующей социальной группы [1, с. 28; также см.: 2, с. 35, 40, 44 — 45, 56, 59; 3, с. 55].

История понятия революция свидетельствует о том, что привычное историческое значение — «относительно быстрые, коренные перевороты в социальной и политической жизни общества»⁶ — оно приобретает в идейном контексте Просвещения [4, с. 521]. В лексеме «революции» были зафиксированы ставшие секулярными мессианские ожидания прогресса и лучшего будущего⁷. Сама же революция «... была освещена как нечто исторически необходимое, и способствовать ей стало делом, заслужива-

ющим одобрения, долгом» [4, с. 524]. Однако каждая подлинная революция в мире Модерна, в свою очередь, нуждалась в легитимирующих словах, — словах, оправдывающих радикальное политическое и социальное действие, предписываемое революцией⁸, — словах, которые бы позволяли морально оправдать *de jure* политически неправомерный и *de facto* связанный с насилием коренной переворот в жизни общества. Такими легитимирующими революцию в мире Модерна словами суждено было стать словам-лозунгам — нация и народ. Ключевая особенность этих слов-лозунгов (*Schlagworte*), отражающих свойственную миру Модерна идеологизацию и политизацию общественной жизни, заключается в том, что в каждом из них проявляет себя фактор реальной власти дискурса, позволяющий не только и не столько интерпретировать исторические события, но и управлять ими, фиксируя горизонт ожидания, связываемый социальной группой с тем или иным историческим событием.

Семантика лексем для слов-лозунгов «нация» и «народ» существенным образом различается⁹, и во многом именно на этом различии строятся отношения между двумя ведущими социальными силами мира Модерна — революцией и национализмом. Наиболее яркими иллюстрациями этих сложных и порой весьма запутанных отношений могут служить две «Великие» революции мира Модерна — Французская и Русская.

Горизонт ожидания Великой Французской революции семантически был заполнен понятием нации. Идея нации заключала в себе «символическое возвышение народа до положения элиты» [5, с. 46]. Однако нация не идентична с «населением государства», нация идентична с политически активными гражданами. Иными словами, нация отождествляется не с народными массами, а персонифицирует волю суверенного народа, утверждает «народную волю» в качестве «национальной», источником которой является эгалитарное общество свободных и равных граждан, и которая в силу этого требует для своей реализации представительное правление в форме национального государства.

Горизонт ожидания Великой Русской революции, напротив, семантически был заполнен понятием народа. Слово-лозунг «народ» являлось незаменимым средством легитимации любой радикальной революционной политической деятельности в России. Однако использование именно этого слова-лозунга размывало основания нарождающейся национальной идентичности, поскольку идея народа обычно ограничивается традиционными семантическими значениями, согласно которым народ отождествляется с совокупностью населения, проживающего на общей территории и заключающего в себе генетическую, политическую и культурную общность. Рассматриваемый как единое целое народ принимает образ коллективной личности, обладающей единой волей, которая требует отнюдь не представительства, а толкования [5, с. 15]. Слово-лозунг «народ» служит интересам не эгалитарных, а коллективистских идеологий, которые обычно авторитарны, поскольку в их основе лежит признание неустранимого неравенства между теми немногими, которые способны эту народную волю толковать, и остальными, которые должны им подчиняться.

Различие в горизонтах ожидания, связываемых с Великими Французской и Русской революциями, позволяет сделать определенные выводы о возможном историко-структурном родстве революции

и национализма — этих двух ведущих сил мира Модерна.

Прежде всего, и революция, и национализм служат социальными силами, которые заявляют об агентности интересов и ожиданий. Интересы и ожидания могут выступать в роли самостоятельных агентов истории. Фиксируемые с помощью определенных общественно-политических лексем интересы и ожидания структурируют поле политики, создавая необходимые условия для образования организованных и солидарных групп, связывающих свою судьбу именно с этими интересами и ожиданиями (элиты, контр-элиты, партийные и общественные движения и организации). В пике традиционному пониманию, согласно которому возникновение той или иной группы предшествует появлению интересов и ожиданий, история понятий настаивает на том, что интересы и ожидания предшествуют группам. Интересы и ожидания, наделяемые свойствами политического субъекта, сами создают или обрастают соответствующими солидарными и организованными группами. Как следствие, в подобных обстоятельствах приоритетное значение имеет тот общественно-политический лексикон, который будет использован для артикуляции этих интересов и ожиданий.

Революция национальная (интересы и ожидания которой артикулируются при помощи слова-лозунга «нация») и революция народная (интересы и ожидания которой артикулируются при помощи слова-лозунга «народ») имплицитно содержат в себе два разных тренда исторического развития¹⁰ и в силу этого способны сочетаться только с принципиально разными формами национализма¹¹.

Национальная революция, подобная Великой Французской, комплементарна эмансипирующей силе национализма¹², которая обычно находит выражение в той или иной партикулярной доктрине гражданского национализма. Народная же революция, подобная Великой Русской, напротив, комплементарна репрессивной силе национализма, манифестируемой различного рода эксклюзивными формами этнического национализма. Великая Французская революция приравнивала народ (по крайней мере, в лице третьего сословия¹³) к нации, Великая Русская революция, напротив, растворила нарождающуюся нацию в безликих народных массах. Великая Французская революция сменила Старый режим (*L'ancien régime*) национальным государством, Великая Русская революция — государством партийным.

Национальные революции совершаются от лица нации и в интересах нации, народные же — от лица народа в интересах новых политических элит. В отличие от нации, сама идея которой основывается на принципе представительства, народ для своего существования вовсе не требует никакого политического представительства. «Народ» — плохой политический концепт, поскольку он лишен политического значения и субъектности в дискурсах как революции, так и национализма. Националистический дискурс видит его очевидно бессмысленным в том отношении, что это концепт, за которым прячутся некие широкие массы с принципиально неопределенным чувством собственной идентичности¹⁴. Революционный же дискурс, хотя иногда и прибегает к помощи этого очевидно старорежимного концепта, делает это, однако, обычно в интересах политической демобилизации широких масс. В политическом отношении народ здесь не является субъектом революционных событий и, следовательно, не извлекает из них никакой практической пользы. Поэтому не стоит удивляться,

что, оценивая те или иные события в истории того или иного народа, мы иногда описываем их как национальные катастрофы, выражая зачастую искреннее удивление в отношении случившегося. Однако, как нас учит история понятий, такому положению дел вовсе и не стоило бы удивляться, поскольку, в отличие от нации, народ обычно безмолвствует.

Примечания

¹ Индийский социолог Кришан Кумар, в частности, напрямую утверждает общность происхождения феноменов национализма и революции: «Национализм и революция по своему происхождению принадлежат к одной и той же семье. Оба они являются продуктом идей и практик Просвещения, которые, в частности, благодаря американской и французской революциям, сыграли важную роль в создании мира Модерна» [6, р. 603; ср. с этим: 7, с. 49–50; 8, р. 368–369, 377, 379–380; 9, с. 703].

² Английский этнограф Фируз Унвалла в своем аналитическом отчете о прошедшей в апреле 2013 года в Лондоне XXIII ежегодной конференции по изучению этничности и национализма (ASEN – 2013) не без иронии пишет: «Эти термины [национализм и революция. — Прим. А. Н.] часто упоминаются в одной и той же строчке — в названиях книг и статей, многие из которых, однако, не предлагают для нас ничего полезного, кроме признания факта одновременного существования этих феноменов в одном и том же месте и в определенное время» [10, р. 582].

³ «Никакой метод классификации национальных движений, использующий какие-либо политические, моральные или даже объективные критерии, никогда не создаст прочную типологию «национализмов»...» [8, р. 369], именно так, в свойственной ей лаконичной манере, израильская этнограф Хедва Бен-Израэль выразила распространенный среди исследователей скепсис относительно возможности создания надежной классификации национализмов [также см. 8, р. 386–387].

⁴ Begriffsgeschichte («История понятий») — оригинальная и довольно обширная исследовательская традиция, которая сложилась в 1960-е — 1970-е годы в Германии, а затем оказала значительное влияние на развитие современной социальной истории. Начало этой традиции было положено группой немецких историков во главе с Рейнхартом Козеллеком, Отто Бруннером и Вернером Кондце, подготовившими энциклопедический компендиум «Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-socialen Sprache in Deutschland» («История понятий. Словарь политико-социального языка в Германии»), который включал в себя сведения по исторической семантике политико-социального лексикона немецкого языка.

⁵ Немецкий историк Ингрид Ширле довольно лаконично выразила подобную особенность историко-семантического подхода, практикуемого сторонниками Begriffsgeschichte: «Понятия являющиеся историческими и движущими силами происходящих в обществе исторических процессов» [11, с. 6].

⁶ Подобное значение понятия «революция» можно рассматривать как «ядерное», поскольку в действительности оно принадлежит не только категориям общественно-политической практики, но и аналитическим категориям, с помощью которых социальные науки трактуют, интерпретируют и объясняют этот феномен. Чтобы в этом убедиться, достаточно сослаться, в частности, на разделяемую большинством представителей социальных наук дефиницию Самуэля Хантингтона, согласно которой революции являются быстрыми, коренными преобразованиями социально-экономических и политических институтов общества [12, р. 264].

⁷ Авторы специально написанной для «Historisches Lexikon zur politisch-socialen Sprache» статьи о революции — немецкие историки Найтхард Бульст, Райнхарт Козеллек, Кристиан Майер и Йорг Фиш — акцентируют важность значения секулярно-мессианских корней для современного понятия револю-

ции: «... с появлением нового (modern) понятия «революция» вечное блаженство переместилось в контекст такого будущего, которое можно было создать политическими средствами и которого прежде религиозным, ожидание вечного блаженства... Новое время наполнило собою понятие революции, где это понятие было ориентировано на цель, определявшуюся как земное счастье и свобода от господства» [4, с. 524].

⁸ В противном случае понятие «революции» должно было бы браться в кавычки, поскольку семантически отсылало бы нас не к коренным социально-политическим переворотам, а не более чем к мятежам, бунтам, восстаниям и волнениям, т.е. — массовым политическим акциям, которые не несут в себе какие-либо четкие горизонты ожидания для самих участников этих акций.

⁹ Американский историк Ханс Кон, сделавший помимо прочего внушительный вклад в изучение национализма, в частности, отмечал, что: «В XVII и XVIII веках «нация» часто противопоставлялась «народу» (people). Этот термин указывал на сознательную и активную часть народа, в то время как термин «народ» означал политически и социально более пассивные массы» [7, с. 56].

¹⁰ Примечательно, что подобное различие можно встретить уже в конце XVIII века, например, в работах немецкого философа Иоганна Бенямина Эрхарда, который писал в своем труде «Über das Recht des Volkes zu einer Revolution» («Право народа на революцию»): «Man muss hier einer revolution des volkes von einer revolution, die nur vermitteltst des volkes durchgesetzt wird, unterscheiden» [13, s. 180]. Иными словами, он подчеркивал и настаивал на том, что следует проводить принципиальное различие между революцией народа (т.е. национальной революцией) и революцией, которая лишь совершается с помощью народа (т.е. народной революцией), ибо для революции народа сам народ есть главное действующее лицо и основной политический субъект, в то время как для революции с помощью народа он есть не более как участвующий зритель.

¹¹ В этом отношении имеет смысл признать правоту тех исследователей, которые в той или иной форме эксплицитно фиксируют историко-структурное родство этих двух ведущих сил мира Модерна [например, см.: 6, р. 590; 8, р. 373–374; 14, р. 43; 15, р. 15–16]. Например, Хедва Бен-Израэль замечает, что «национализм был изобретен не для борьбы с революцией, а вырос в ней как логически неизбежное следствие» [8, р. 377]. Однако в то же самое время весьма примечателен и тот факт, что первые случаи употребления слова «национализм» — «nationalismus» Иоганна Готфрида Гердера и «nationalisme» аббата Огюстена Баррюэля — были прямо или косвенно ориентированы на критику Великой Французской революции.

¹² Именно это важное обстоятельство, в частности, подчеркивал Ханс Кон: «Национализм принес с собой интеграцию народа в нацию, пробуждение масс к политической и социальной активности» [7, с. 56].

¹³ Достаточно здесь напомнить о знаменитой январской прокламации 1789 года аббата Эммануэля-Жозефа Сийеса «Qu'est-ce que le Tiers-Etat?» («Что такое третье сословие») [16].

¹⁴ Народ не может служить интересам высшей лояльности, которую по отношению к себе требует нация; как замечает в этой связи Ханс Кон: «... массы никогда не считали, что жизнь — в культурном, политическом или экономическом аспекте — зависит от судьбы их национальной группы» [7, с. 41].

Библиографический список

1. Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история менталитета: сб. ст. / под ред. Х. Э. Бёдекера. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 23–33.
2. Бёдекер Х. Э. Размышления о методе истории понятий // История понятий, история дискурса, история ментали-

тета: сб. ст. / под ред. Х. Э. Бёдекера. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 34–65.

3. Копосов Н. Е. Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 248 с. ISBN 5-86793-348-2.

4. Бульст Н., Козеллек Р., Майер К., Фиш Й. Революция (Revolution), бунт, смута, гражданская война (Rebellion, Aufruhr, Bürgerkrieg) // Словарь основных исторических понятий: избр. ст.: в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2014. Т. 1. С. 520–728.

5. Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ, 2012. 528 с. ISBN 978-5-9292-0164-6.

6. Kumar K. Nationalism and Revolution: Friends or Foes? // Nations and Nationalism. 2015. Vol. 21. № 4. P. 589–608. DOI 10.1111/nana.12135.

7. Кон Х. Идея национализма // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма: сб. / под ред. Р. Брубейкера. М.: Новое изд-во, 2010. С. 27–61. ISBN 978-5-9837-9139-8.

8. Ben-Israel H. Nationalism in Historical Perspective // Journal of International Affairs. 1992. Vol. 45. № 2. P. 367–397.

9. Вернер К. Ф., Гшницер Ф., Козеллек Р., Шёнеман Б. Народ, нация, национализм, масса (Volk, Nation, Nationalismus, Masse) // Словарь основных исторических понятий: избр. ст.: в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2014. Т. 2. С. 322–752.

10. Unwalla P. Nationalism and Revolution // Nations and Nationalism. 2015. Vol. 21. № 4. P. 579–588. DOI 10.1111/nana.12134.

11. Ширле И. Основные исторические понятия («Grundbegriffe») // Словарь основных исторических понятий: избр. ст.: в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2014. Т. 1. С. 6–13.

12. Huntington S. P. Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 2006. 488 p.

13. Erhard J. B. über das Recht des Volkes zu einer Revolution. Jena & Leipzig: Cristian Grost Gabler, 1795. 196 s.

14. Brubaker R. Citizenship and Nationhood in France and Germany. Cambridge MA: Harvard University Press, 1994. 270 p.

15. Hearn J. Rethinking Nationalism: A Critical Introduction. New York: Palgrave MacMillan, 2006. 272 p.

16. Сийес Э.-Ж. Что такое третье сословие. URL: http://istmat.info/files/uploads/28691/sieyes_que-un-tel-troisieme-etat.pdf (дата обращения: 01.04.2017).

НЕХАЕВ Андрей Викторович, доктор философских наук, профессор кафедры «Философия и социальные коммуникации».

Адрес для переписки: A_V_Nehaev@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 11.04.2017 г.

© А. Н. Нехаев

УДК 947

А. В. СУШКО

Омский государственный
технический университет,
г. Омск

«РУССКАЯ» VS «СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ»: К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ХАРАКТЕРА РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

Статья посвящена определению характера революции в России. Поддерживается точка зрения о единой Русской революции, в которой Февраль и Октябрь были важнейшими этапами. Автор приходит к выводу, что Русская революция, поставив на повестку дня идею социальной справедливости, должна была поставить и вопрос о создании современной русской нации, основанной не только на гражданской принадлежности, но и на общих ценностях культуры, языке, истории. Однако элитой этого не было сделано. В результате социалистическая революция в России по характеру стала еще и антирусской. Пагубные последствия этого Россия переживает до сих пор.

Ключевые слова: революция в России, Русская революция, Российская революция, Февральская революция, Октябрьская революция.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-03-00421.

В российской исторической науке, активно отмечая 100-летний юбилей революции в России, широко утверждаются ее наименования как «Великая Российская революция» и «Великая Русская революция». Такие оценки революционных событий в России подразумевают рассмотрение Февраля и Октября как важнейших этапов единой революции, что вызывает споры в научном сообществе. Кроме того, характеристика революции как «Русской»/«Российской» также представляется неоднозначной как ввиду ее специфики, так и по причине современных споров вокруг строительства российской

нации, для которого оценка исторического прошлого крайне важна. Цель данной работы — рассмотреть возможные доводы в пользу использования названия «Русская/Российская» и высказаться в поддержку точки зрения, согласно которой в России была одна революция.

Определение революции в России зависит от методологического подхода к ее изучению. На первый взгляд, если характеризовать революцию с опорой на официальное название государства, которое в тот период называлось Российской империей, то название «Российская» представляется бесспорным.